

Пролог

ТАЙНА ИМЕНИ

Думаю, мне, рассказ об истории Сибири и сибиряках следует начать с одной из тех многочисленных исторических загадок, которые навсегда останутся неразгаданными. Разве что будет изобретена машина времени или хотя бы некое устройство, позволяющее если не попадать в прошлое, то хотя бы слышать его и видеть.

Откуда произошло само это название — Сибирь?

Точного объяснения, которое нельзя было бы опровергнуть, нет. Только разнообразные версии. Рассмотрим пару-тройку из тех, которые ученый мир считает самыми убедительными (просто-напросто из-за отсутствия более убедительных).

Версия первая: название «Сибирь» произошло от монгольского слова «шибир», означаю-

щего «лесная чащоба». Слово такое в монгольском языке есть. Однако против этой версии работают весьма существенные обстоятельства, основанные на тогдашних реалиях. В Сибири были — и до сих пор есть — монголоязычные народы, и довольно многочисленные: буряты и калмыки. Однако сами монголы после распада Золотой Орды в Сибири ни малейшей роли не играли и ни малейшим влиянием не пользовались (впрочем, и во времена Чингисхана с Батыем, вопреки устоявшемуся убеждению, главную роль играли не монголы, а тюрки. Даже название якобы «монгольской» столицы не монгольское, а стопроцентно тюркское — Каракорум). Пятьсот-шестьсот лет назад никакой единой Монголии не существовало вовсе — лишь некоторое количество больших и маленьких, абсолютно независимых друг от друга княжеств. Одним с грехом пополам кое-как удавалось свою независимость отстоять (частенько хаживая на соседей грабительскими набегами), другие попали под власть правившей в Китае маньчжурской династии. И те и другие уже были слишком слабы для того, чтобы ходить в «заграничные» походы (говоря проще, устраивать набеги ради добычи). Уточню еще: предки бурятов, даром что монголоязычные, своих «братьев по языку» от-

кровенно ненавидели: за то, что те, будучи еще в силе, частенько совершали на бурятские земли грабительские набеги (жили тогдашние буряты небедно, и поживиться было чем).

Большинство населения Сибири составляли многочисленные тюркские племена, которые потом русские именовали по-разному: сибирские татары, енисейские киргизы, кыштымы и так далее. Для этих племен и народностей (порой весьма не слабых) монголы были никто и звать их никак. Точно так же не питали ни малейшего уважения к монголам народы тунгусоязычные (эвенки и эвены, вогулы-остяки). Одним словом, кто бы в этих условиях выбрал для названия своего огромного края слово из языка монголов, которых повсюду ни в грош не ставили? Можно ли представить, чтобы Россия, став империей, стала именоваться не «Российской» империей, а «Рязанской» или «Тверской»? Или в 1871 году, когда сложилось единое германское государство, его назвали не Германией, а по имени какого-нибудь третьестепенного княжества наподобие Лимбурга, которое пешком можно было обойти за полдня? Так что «монгольский след» выглядит крайне сомнительно.

Согласно второй версии, Сибирь получила свое название от племени сабиров (они же са-

виры и сипыры), обитавших неподалеку от реки Иртыш. С одной стороны, версия выглядит достаточно логичной и убедительной. С другой же... Сабирь были не настолько сильным и влиятельным народом, чтобы именно в их честь назвали всю Сибирь. Так что и эта версия особого доверия не внушает.

Остается третья гипотеза, по которой Сибирь названа по имени города Сибир, или Сибирь, более известного под именем Искер, Аскер, Кашлык, — столицы сибирских ханов на протяжении долгого времени. На первый взгляд выглядит логично и убедительно. Достаточно примеров, когда государство именовалось по названию своей столицы: Московское и Казанское царства, великое герцогство Тосканское, несколько итальянских и германских княжеств. Однако этому категорически противоречит хронология. Единое, обширное и сильное Сибирское ханство окончательно сформировалось только в первом десятилетии XVI века, меж тем уже на знаменитой Каталонской карте 1375 года земли за Уралом именуются «Себур» — впрочем, полагают, что каталонцы это название и не сами придумали, а позаимствовали его у арабских и персидских географов, пользовавшихся этим словом еще раньше. На Руси слово «Сибирь» впервые

появляется в московской летописи 1408 года, где пишется о гибели в бою хана Золотой Орды Тохтамыша: «Тохтамыш убит в Сибирской земле близ Тюмени». И наконец, на не менее знаменитой карте мира венецианского картографа, ученого монаха Фра Мауро (1385–1459) опять-таки к востоку от Урала имеется надпись Sibir.

Все прочие версии выглядят еще более неубедительно, а потому и рассматривать их не стоит. Одним словом, происхождение названия «Сибирь», очень похоже, так и останется навсегда загадкой. С географическими названиями так бывает частенько, вряд ли когда-нибудь удастся установить точно, откуда пошло название «Африка» — есть несколько версий, но опять-таки среди них не имеется достаточно убедительной. Да и по поводу названия «Америка» есть разные версии, противоречащие официальной, по которой огромный континент почему-то был назван в честь не самого выдающегося картографа своего времени Америго Веспуччи...

Глава 1

НУЖНО ПРОВЕСТИ РАЗВЕДКУ БОЕМ...

Урал и Сибирь привлекали внимание русских с давних времен — там были не только меха, но и серебро (его в немалых количествах завозили в обмен на пушнину торговавшие с местными племенами арабские и персидские купцы). Хватало и весьма ценившегося как на Руси, так и в Европе «рыбьего зуба» — то есть моржовых (есть версия, еще и мамонтовых) клыков. Так что очень быстро в очередной раз сработал обычай, свойственный человечеству с давних времен: если какая-то земля чем-то богата, найдется немало охотников этими богатствами завладеть (причем мнением местного населения как-то было не принято интересоваться, в особенности если оно было слабее пришельцев).

Первыми зажгли пронырливые новгородцы — еще в XI веке, когда не только Москов-

ского княжества не существовало, но и самой Москвы еще в проекте не было. Новгородские воеводы принудили к выплате дани жителей Печорского края, а потом двинулись на Югру — область по обе стороны Северного Урала, где обитали предки нынешних манси, хантов и ненцев. Ну а следом за военными дружинами, как это бывало во все времена и на всех континентах, двинулись купцы — уже не грести примитивно все, что не прибито и не приколочено, а относительно цивилизованно торговать. Они даже объединились в особую, выражаясь современным языком, корпорацию под названием «Югорщина». Прибыль была нешуточная: то самое серебро (в виде массивных изделий вроде блюд, чаш и тому подобной посуды), «рыбий зуб», шкурки соболей, горностаев, куниц и песцов. Именно из-за жирной прибыли порой возникала нешуточная конкуренция меж представителями «частного бизнеса» и новгородскими властями, принимавшая порой крайне интересные формы. Новгородские летописцы прилежно зафиксировали трагикомический случай, произошедший в 1193 году. Новгородские власти послали в Югру воеводу с дружиной — собирать дань. Однако дружину эту атаковал, разбил и заставил бежать восвояси отряд, наполовину состо-

явший из югорских аборигенов, а наполовину — из... новгородских же купцов из корпорации «Югорщина». Что любопытно, «Югорщине» это сошло с рук — крупным корпорациям многие «шалости» сходили с рук...

В конце концов Новгород прочно подчинил себе в качестве данников не только Печорский край, но и Пермский. С Югрой дело обстояло чуточку похуже. Народец там был себе на уме: на словах выражал полный респект, а на деле дань платил нерегулярно, да вдобавок то и дело норовил повоевать с «сюзереном». И в конце концов к середине XV века полностью вышел из подчинения Новгороду.

А Новгороду к тому времени крепенько поплохело и по другим причинам. Усилившиеся ростовские князья уже в 1218 году построили на главном пути в Югру своеобразный «блок-пост» — город Устюг (впоследствии — Великий Устюг), где сидели свои князья помельче, вассалы Ростова. И начали без всякой дипломатии то перекрывать новгородцам дорогу в Югорщину, то (что было гораздо выгоднее) перехватывать на обратном пути загруженных мехами дружинников и купцов. Убивать, в общем, не убивали, но при любой возможности... ну, скажем так, конфисковывали меха до последнего хвоста

и отправляли в Ростов, а чуть позже, когда Устюг вошел в состав Московского княжества, — уже в Москву. Новгородцы, как легко догадаться, тоже были не ангелами и с ценной добычей так просто не расставались. Так что в тех местах несколько десятилетий шла самая настоящая война: то новгородцы все же прорывались домой с добычей (при возможности еще и легонько погромив Устюг), то устюжане их побеждали и отбирали «меховую казну», заявляя, что у них, мол, целее будет. Одним словом, скуки не было...

В дальнейшем Новгороду поплохело еще больше. Чем больше сил набирало крепнущее Московское княжество, тем яростнее становилась борьба меж Москвой и Новгородом. Ставкой были уже не меха и прочее добро, а независимость Новгорода. Начались настоящие сражения, завершившиеся знаменитым боем на реке Шелони (1471 год), когда новгородцы потерпели сокрушительное поражение. После чего, как легко догадаться, московский великий князь Иван III непринужденно отобрал у них все приуральские и зауральские владения — как любой победитель в схожей ситуации. А еще через семь лет присоединил Новгородчину к Московскому княжеству. Кое-какое внутреннее самоуправление Новгород сохранил — но поток мехов и прочих ценностей теперь полностью уходил в Москву, которая уже

всерьез заинтересовалась не только мехами, но и землями. Иван III, человек большого ума и немалой хитрости («дипломат наш дон Тамэо, да и политик изрядный»), мастерски использовал сложившуюся к тому времени ситуацию.

Сибирского ханства еще не было — существовало лишь гораздо меньшее по размерам Тюменское, где правил хан Ибак. Тюмень и Казань насмерть грызлись за спорные сибирские территории, примыкавшие к Уралу. Когда-то они были казанскими, но потом хан Ибак решил, что эти земли как-то больше исторически тяготеют к Тюмени, — и занял их без особых боев. Казань осерчала: по ее мнению, земли эти исторически тяготели как раз к Казани, до которой оттуда гораздо ближе, чем до располагавшейся где-то у черта на куличках Тюмени. Ну, понятно, началась война — с переменным успехом.

Иван III, поразмыслив, объявил себя горячим сторонником Казани — и за Урал двинулись московские войска. Русские дружины разбили войска нескольких местных князей, заставили их принести «шерть» (аналог европейской вассальной присяги) и выплачивать отныне «ясак» (дань мехами). Заняли немалые территории на Каме и прочно там обосновались. Напоследок Иван установил дипломатические отношения с ханом

Ибаком, вынужденным признать и русские завоевания, и право Москвы брать дань с новых вассалов. Хану хватало головной боли в виде Казани, не хотелось связываться еще и с русскими...

Казань от этой комбинации не получила ни малейшей выгоды. Так что читатель, думаю, со мной согласится: Иван III был человеком умным и оборотистым. Изящно все это было проделано.

После этого Московское княжество около девяноста лет не делало попыток проникнуть в Сибирь далее. Установилось некое равновесие: москвитяне старательно собирали дань с вассальных князьков и племен, построили несколько острогов (тогда это слово означало не тюрьму, а укрепление). Русские купцы (главным образом поморы, которых не пугали сибирские морозы) прямо-таки хлынули в Сибирь, добираясь даже до Иртыша и Тюмени. У местного населения большим спросом пользовались в первую очередь русские железные изделия (котлы, топоры, ножи, наконечники стрел и т. д.), за которые они охотно расплачивались мехами. Разведка боем закончилась, возникла некая стабильность, нарушавшаяся порой татарскими грабительскими набегами и мелкими стычками...

Глава 2

ДЕЛА СИБИРСКИЕ

Тем временем в Сибири происходили крайне интересные и весьма существенные изменения. Татарский князь Мамет из сильного и влиятельного рода Тайбугинов решил, что достоин чего-то большего, нежели быть «просто» князем, пусть и сильным.

Вообще-то подобные планы строили многие честолюбцы, и не только в Сибири. Другое дело, что далеко не каждому удавалось претворить мечты в жизнь. Мамету удалось. Собрав серьезное войско, он вторгся в Тюменское ханство. В 1495 году в одном из сражений хан Ибак был убит. Ни наследников, ни мало-мальски авторитетных преемников не нашлось, Мамет, как и мечталось, из князя стал ханом и занялся самым настоящим государственным строительством.

О нем известно очень мало, но человек, судя по всему, был незаурядный. В относительно короткие сроки он объединил в новое, уже именовавшееся Сибирским, ханство со столицей в том самом Искере и татарские улусы, и разнообразные племена. Новое государство размерами значительно превосходило Тюменское: на севере его границей был берег Северного Ледовитого океана, на западе — Урал, на востоке — Обь, а на юге — Казахское ханство. Кроме того, Мамет создал стройную систему государственного управления — с главным визирем («карачей») и отлаженным аппаратом сборщиков ежегодной дани.

Более всего Сибирское ханство напоминало средневековую Европу — разве что термины были другие, а во всем остальном чертовски похоже. Выше всех стояла татарская знать, своеобразные герцоги — мурзы и беки, владевшие крупными улусами. Чуть пониже, на манер европейских графов, располагались князьки (если точнее, попросту племенные вожди). Обязанностей у них было две: следить, чтобы «простонародье» исправно платило подати, главным образом пушниной, и ходить со своими дружинами на войну, если хану будет благоугодно ее затеять. На войну все отправ-

лялись охотно, без малейшего принуждения: «герцоги» и «графы», во-первых, получали за участие часть добычи, а во-вторых, захваченных пленников превращали в рабов и либо продавали, либо использовали в своих владениях. Рабство в Сибирском ханстве имело большое распространение. Что ничуть не противоречит его сравнению с феодальной Европой — там тоже в раннее Средневековье рабство существовало самым преспокойным образом, например, в Англии и в Италии.

Во всем остальном мурзы, беки и князьки пользовались совершеннейшей свободой, подобно европейским феодалам: хан в их «внутренние дела» не вмешивался, как и европейские короли в определенный период. А потому вся вышеперечисленная знать то и дело воевала друг с другом — вернее, совершала друг на друга грабительские набеги, опять-таки еще и для захвата рабов. Как писали чуть позже русские первопроходцы, «род на род войною ходят и дерутся». Хан на это коловращение жизни смотрел философски: пусть воюют, коли охота, лишь бы дань вовремя собирали и государственной измены не задумали. С русскими Мамет старался не связываться: еще и оттого, что интересы Московского царства

и Сибирского ханства, в общем, не сталкивались, и меж их тогдашними границами лежала своего рода «нейтральная полоса», достаточно обширная.

В середине XVI века по другую, не сибирскую сторону Уральского хребта тоже стали происходить интересные события с самыми серьезными последствиями...

Продвижение русских в глубь Сибири и создание надежной «базы» за Уралом тормозилось в первую очередь тем, что путь через Северный Урал был крайне трудным, особенно зимой. И ничего нельзя было поделать: южнее лежали владения Казанского ханства. Казанцы отнюдь не склонны были предоставлять русским «транзит» в Сибирь. Дело было не в каких-то там религиозных разногласиях — в том столетии на такие вещи не обращали особого внимания. Бал в который раз правила экономика: казанские купцы торговать умели, и сибирские меха крайне интересовали их самих. Перепродавать — с превеликим удовольствием. Но пропускать конкурентов в собственные «места грибные и рыбные» — шалишь...

Положение в 1552 году изменилось резко. Войско молодого царя Ивана Грозного (кстати,

наполовину состоявшее из «служилых татар», из которых далеко не все приняли православие) после ожесточеннейшего штурма, длившегося почти весь день, заняло Казань. К титулам Ивана добавился «царь Казанский». А главное, теперь перед русскими открылись гораздо более удобные и легкие пути в Сибирь — по реке Каме и ее притокам, близко подходившим к западным притокам Тобола (откуда, между прочим, не так уж и далеко до Искера).

А три года спустя к Ивану Грозному явились послы ханов-соправителей Сибирского ханства, братьев Едигера и Бекбулата. Сначала они поздравили царя со взятием Казани и успешными действиями русских войск в Астраханском ханстве. А потом объявили, что Едигер с Бекбулатом хотят принести Ивану шерсть и платить дань, и немаленькую — по шкурке соболя с жителя в год.

Новость, конечно, была приятная — но обрушилась как гром с ясного неба. Решительно непонятно было, отчего огромное и отнюдь не слабое Сибирское ханство вдруг без малейшего принуждения, добровольно и с песней собралось стать вассалом московского царя.

Однако русские очень быстро выяснили, в чем тут дело. Братья-ханы пошли на это не от

хорошей жизни. Им позарез требовался сильный покровитель, поскольку надвинулись крайне серьезные неприятности, такие, что братья, пожалуй, могли и голов лишиться...

В Бухаре обитал очередной честолюбец средних лет по имени Кучум. Происхождения он был самого что ни на есть благородного: сын бухарского хана Муртазы (по тогдашним русским источникам — еще и внук хана Ибака), а главное — Чингизид, то есть потомок Чингисхана. Чингизиды пользовались особым уважением не только в тюркском мире, но и на Руси, где стояли наравне с Рюриковичами и Гедиминовичами.

Однако есть старая русская пословица: «Хороша честь, когда нечего есть». Благороднейшее по тогдашним меркам происхождение не давало означенному Кучуму никаких, выражаясь современным языком, карьерных перспектив. Папа Муртаза был еще не стар и крепок, так что бухарский трон (или что там у них было?) освободиться естественным образом должен был не скоро. А больше определить себя было вроде бы и некуда. Генеалогическим древом, даже самым кряжистым и развесистым, сыт не будешь. Одним словом, Кучум оказался в положении персонажа русских романов XIX века, именовавшие-

гося «молодой человек без места». Как выражаются нынче в Интернете — пичалька...

От безнадежности, бывает, ум у человека обостряется. Поразмыслив и оглядевшись, Кучум за несколько сотен лет до известного современного рок-ансамбля возопил: «Пора на север!»

На севере лежало Сибирское ханство, где правили братья Тайбугины. Не особенно долго думая, Кучум пришел к выводу, что Тайбугины против Чингизидов — все равно что плотник супротив столяра. То ли кое-какие денежки у него все же водились, то ли помог папа. Кучум собрал довольно сильное войско из узбекских, ногайских и башкирских отморозков, всегда готовых подраться с кем угодно за хорошую плату и долю в добыче, вторгся в пределы Сибирского ханства и всерьез принялся теснить Едигера с Бекбулатом. Вот они и бросились искать помощи в Москву...

Однако, несмотря на серьезную угрозу в лице Кучума, братья вели себя, мягко говоря, странновато. Ежегодная дань (с чем согласились ханские послы) должна была составлять 30 000 соболей. Однако ханский посол привез в Москву всего 700 шкурок — за что осерчавший Грозный велел бросить его в тюрьму, крикнув вслед, что договоры положено соблюдать.

Кроме того, поступили сведения, что ханские послы занизили количество населения, чтобы платить поменьше. Посол Грозного потребовал провести точную перепись населения, но ханы ему согласия на это не дали. Чуть погодя Едигер прислал Грозному письмо, где подтверждал присягу, присовокупив к посланию лишь тысячу соболей — что опять-таки договору не соответствовало. Так что Грозный, видя такие фокусы, войска против Кучума посылать не торопился.

Скупость, вполне возможно, братьев-ханов и сгубила. В 1563 году Кучум разгромил их войска, обоих взял в плен и распорядился тут же прикончить. А потом как человек предусмотрительный распорядился вырезать всех Тайбугинов, имевших, как сказали бы в Европе, права на престол, — во избежание будущих сложностей. Ну его головорезы всех и прикончили. Правда, упустили одного-единственного — молодого сына Бекбулата Сейдяка, сумевшего как-то ускользнуть и укrywшегося где-то в Средней Азии.

Однако мы, пожалуй что, забежали вперед. Следует вернуться на несколько лет назад и подробно рассказать об одном интереснейшем персонаже не только XVI века — всей русской

Александр БУШКОВ

истории. Поскольку именно он сыграл огромную роль в последующих событиях и его без преувеличения можно назвать инициатором завоевания Сибири.

Когда со взятием Казани открылся удобный путь в Сибирь, по нему устремились не только охотники за мехами...

Глава 3

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ МНОГОЕ СМОГ

Многие морские путешествия европейцев, в том числе и самые известные, вошедшие в историю, были совершены отнюдь не ради поиска новых колоний и даже не ради золота. Причины были гораздо прозаичнее. И кругосветное путешествие Магеллана (собственно, Магеллан погиб где-то на середине маршрута, и дальше корабли вел его штурман Эль Кано), и гораздо менее знаменитые, но многочисленные плавания европейских капитанов вокруг Африки в Юго-Восточную Азию имеют побудительной причиной исключительно поиск пряностей. Потребность в них была огромная, вызванная не каким-то особенным гурманством, а самыми что ни на есть житейскими причинами. В теплом (а в Южной Европе — и жарком) климате мясо портилось очень быстро, и пряности были необ-

ходимы, чтобы отбивать душик: перец, корица, гвоздика и прочее.

Очень долго пряности шли в Европу с Востока через Византию. Однако в 1452 году ее захватили турки. Нет, они и не подумали перекрывать для Европы поток пряностей, наоборот — стали их в Европе продавать. Вот только ушлые турецкие купцы (а когда это купец был не ушлым?), видя, что стали монополистами, задрали цены так безбожно, что для очень и очень многих они стали неподъемными. А мясо портилось быстро... Вот и пришлось европейцам самостоятельно пускаться на поиски пряностей. Везти их кораблями за тридевять морей все равно оказалось дешевле, чем платить туркам. Из примерно двухсот пятидесяти членов экспедиции Магеллана живыми вернулись только восемнадцать, на одном корабле из трех, отправившихся в неведомое. Но если отбросить эмоции и рассматривать чисто коммерческую сторону дела, пряностей они привезли столько, что этот груз не только окупил все расходы по экспедиции (в том числе стоимость двух погибших кораблей), но и принес значительную прибыль. Вскоре по тому же маршруту двинулись уже десятки кораблей. Турки, лишившиеся солидной выручки, злились и наверняка говорили разные

турецкие нехорошие слова, но не могли ничего поделать и ничему помешать...

Примерно так же, как в Европе с пряностями, в России дело обстояло с солью — прямо-таки стратегическим товаром. Без многих вещей человек может обойтись без всякого ущерба для себя, но, как гласит старая русская пословица, без соли не проживешь. В самом прямом смысле: человек, не получая с пищей достаточного количества соли, может не только серьезно заболеть, но и умереть. Кроме того, очень долго единственным способом сохранять мясо, птицу, рыбу и овощи была засолка. В 1648 году именно повышение налога на соль вызвало нешуточный мятеж, который историки так и именуют — «Соляной бунт». Народные волнения начались в Москве, потом перекинулись в Устюг, Соликамск, Воронеж, Козлов, Курск и многие другие города (кстати, схожие «соляные бунты» нередкостью были и в Европе).

Одним словом, спрос на соль был огромный — а вот предложение отставало. На Руси времен Ивана Грозного было мало соляных промыслов, недостаточно, чтобы обеспечить рынок полностью. Дело тут не в русской нерасторопности, а в том, что количество соляных месторождений было крайне ограниченным. Нехватку

восполняли импортом — соль в больших количествах везли европейские купцы. Вот только вели они себя подобно туркам: прекрасно зная, что покупатель никуда не денется, цены они заламывали если не грабительские, то близкие к таковым.

(Маленькое отступление не по теме: вы когда-нибудь обращали внимание, что многие детские лекарства в аптеках стоят ох как подороже взрослых? Тот же циничный расчет: иной для себя и не купит дорогое лекарство, но вот на детском здоровье экономить не станет никто...)

Меж русскими и европейскими соляными промыслами есть существеннейшая разница. В Европе добывали каменную соль. Она залегала в земле пластами, как уголь, и добывали ее в точности как уголь — кирками и лопатами, копая шахты.

На Руси того времени соляные месторождения существовали исключительно в виде «расолов» — озер, где вода содержала большое количество соли. Естественно, и технология добычи была совершенно другой: воду кипятили в особых корытах, выпаривая соль. Технология нехитрая, а вот само производство — вреднейшее для здоровья: соляные пары разъедали кожу, вызывали обширные язвы, вредно действовали на глаза (в XVIII веке неисправных должников

в виде наказания отправляли именно на соляные промыслы, что было немногим лучше каторги).

Так вот, еще лет за сто до Ивана Грозного, в середине XV века, некий купец Калининков обнаружил в Сибири, на Каме и ее притоках, многочисленные и богатые «рассолы». Однако разрабатывать их тогда не было никакой возможности — и дорога по Северному Уралу, как уже говорилось, была адским неудобьем, и контролировать те места у русских пока что не хватало сил. Однако люди заинтересованные об открытии Калининкова никогда не забывали — хороший предприниматель смотрит далеко вперед. И как только после завоевания Казанского царства открылся удобный путь в Сибирь, по нему, ни на шаг не отставая от скупщиков пушнины, двинулись опытные солепромышленники, прекрасно понимавшие, что при надлежащей постановке дела прибыли от соли можно получить немногим меньше, чем от мехов. На Каме и ее притоках, особенно на Чусовой, появились многочисленные соляные варницы. Занимались этим прибыльным ремеслом многие, но их потонувшие в неизвестности имена знакомы сейчас лишь узкому кругу специалистов. Кроме одного-единственного...

Фамилия ему — Строганов. В крещении, по святам — Иоанникий. В просторечии, в обиходе — Аникей. Или Аника, как любил называть

его отец. (Я, выбрав среднее, в дальнейшем буду именовать его Аникеем. — А. Б.).

Историки XVIII века, частенько склонные к фантазерству, производили род Строгановых от некоего «выехавшего из Орды» татарского мурзы. Увы, дореволюционные исследователи не раз меланхолично отмечали, что русская геральдика, точнее, та ее часть, где речь идет о генеалогиях, полна откровенного «баснословия». Битком набита «выходцами» из Орды, из «Прусских земель» и других европейских государств. Вот только письменных доказательств практически никогда не имелось — одни только устные свидетельства далеких потомков «выходцев».

Вообще-то всевозможные «выходцы» — не есть сплошной вымысел. Случалось, приезжали. Один яркий и интересный пример: в конце XVII века защитой русского Албазинского острога на Амуре командовал донской казак с исконно русским именем Афанасий и абсолютно нерусской фамилией Бейтон. Казак этот был чистокровнейшим шотландцем, приехавшим на Русь в поисках удачи: Шотландия была страной бедной, и ее жители массами ехали «на континент» — не приключений ради, попросту для того, чтобы заработать на достойную жизнь, главным образом мечом — мирными ремеслами

иммигранты владели плохо, а вот военным делом — весьма сноровисто.

Однако на каждого реального оставшегося в старинных документах «выходца» приходилась целая орава несомненно вымышленных. Не стоит кивать на русскую специфику — в заграничных обстояло в точности так же. Отчего-то по всей Европе считалось крайне гламурным, как сказали бы мы сегодня, вести свой род не от соотечественников, а от заезжих иностранцев. Долго держалась эта мода...

Короче говоря, полную ясность внесли только русские историки XIX века, старательно разыскавшие в архивах документы старинных времен. Было неопровержимо доказано: никакого такого мурзы не было и в помине, Строгановы происходят из Новгорода, из тамошних зажиточных горожан. Первый упомянутый в писаной истории Строганов, Спиридон, жил еще при Дмитрие Донском.

Едва начав самостоятельную взрослую жизнь, Аникей занялся соляным промыслом: сначала в Сольвычегодске (неподалеку от Чернигова), потом в Пермском крае. С хлеба на квас не перебивался, но и состояния не сколотил. И только перебравшись на Каму, развернулся по-настоящему, так, что поневоле испытываешь некое

почтительное удивление: настолько широко размахнулся человек...

Места, где обосновался Строганов (и еще несколько «солеваров»), по аналогии с американским Диким Западом вполне можно назвать русским Диким Востоком. Юридически эти земли принадлежали Московскому царству, но там не имелось ни единого чиновника, ни единого стрельца. Ни администрации, ни войск. Так что селились там самые отчаянные, как две капли воды похожие на двужильных американских фермеров, у которых порой даже старушкам-бабушкам приходилось отстреливаться от налетавших краснокожих. Свои «индейцы» имелись и близ Камы: Дикий Восток граничил с владениями мансийских князьков, знавших толк в лихих грабительских налетах и обожавших это увлекательное и выгодное занятие. Скуки не было...

Поначалу Аникей был лишь одним из дюжины солепромышленников. Однако со временем посредством не силовых методов, а хорошо продуманных комбинаций разорил всех конкурентов, скупил их промыслы и стал монополистом на поставку камской соли в Москву. Чуть позже стал монополистом в квадрате: занялся скупкой мехов у соседей-«инородцев», единолично отправляя на Русь шкурки соболя

и белки, которые в тогдашнем русском экспорте играли примерно ту же роль, что нынче нефть.

Это на Руси белка считалась столь же третьеразрядным товаром, как капуста или дрова. Не особенно и зажиточные крестьяне ходили в беличьих шапках, а их жены — в беличьих шубейках. В Европе обстояло совершенно иначе. Не то что собольим, но даже и беличьим мехом обшивать одежду, подбивать беличьими шкурками зимние плащи имели право только благородные дворяне, церковные иерархи, верхушка богатейших купцов и банкиров. Народу попроще это прямо запрещалось писаными королевскими указами.

Кроме мехов и соли, Аникей занялся еще и добычей жемчуга — на тамошних реках обнаружили россыпи раковин-жемчужниц. В конце концов он стал полновластным хозяином на территории, не уступавшей размерами среднему европейскому государству. Не подлежит сомнению, что это был человек большого ума, неукротимой энергии, с железным характером. Другой просто не добился бы такого положения.

От тех времен до нас дошла любопытная история. Однажды Аникей на речном суденышке отправил в Москву пятьдесят тысяч рублей золотом — и в попутчики на его кораблик напросился местный купец, отправлявшийся по торго-

вым делам в столицу с десятью тысячами рублей, опять-таки золотом. На реке Чусовой суденышко перехватили разбойнички тамошнего «авторитета» Васьки Кривого. Кого-то убили, кого-то поколотили, Дмитриева отпустили живым, но обобрали до нитки — и уж конечно, прихватили строгановское золото...

Уже через день сундуки со строгановским золотом обнаружались у крыльца дома Аникея (больше напоминавшего дворец) в построенном им городке Орле. К золоту прилагалось письмо от Васьки Кривого, написанное довольно безграмотно, но со всем душевным пылом. Кривой всячески извинялся и просил прощения: знай он, чье это золото, и близко бы не подошел (Дмитриеву, кстати, ни копейки не вернули, отчего он страшно обижался и посылал Грозному челобитные, жалобы на разбойников).

Даже если это одна из баек (а их об Аникее сочинено было немало и при его жизни, и после его кончины), она прекрасно иллюстрирует репутацию Строганова в тех местах, где закон — тайга, а прокурор — медведь. Примерно такой она и была — так что даже воры-разбойнички предпочитали с ним не связываться.

Есть и другая история. Любимая дочь Строганова влюбилась в заезжего казака и бежала с ним.

Строгановские молодцы парочку перехватили, Аникей в ярости приказал дочку утопить, что и было исполнено. Неизвестно, правда, не очередная ли это байка. Документы того времени и тех мест сохранились далеко не все, неизвестно вообще, была ли у Аникея дочь, но эта история опять-таки служит иллюстрацией к характеру Аникея. Мог и утопить, такой человек — мог...

В русском человеке сплошь и рядом причудливым образом переплетаются самые разные качества. Поэтому просто необходимо упомянуть, что Аникей много жертвовал на церкви и переписку церковных книг (что до изобретения книгопечатания стоило недешево). Еще в Сольвычегодске на свои деньги открыл и содержал мастерскую иконописи, куда собрал лучших московских и новгородских «худогов». Вот это уже никак не байка — именно из этой мастерской взяла начало знаменитая впоследствии «строгановская школа иконописи», иконы «строгановского письма» особенно ценились.

Как писал классик детской литературы, «и все хорошо, да что-то нехорошо...». Помянутые мансийские князьки повадились незваными заявляться в гости с дружескими визитами, после которых исчезало немало добра. Поживиться было чем: меха, соль, жемчуг, железо (Аникей,

помимо прочего, добывал железную руду и выплавлял железо). Железо можно было выгодно продать в Сибири тем же бурятам: они давно уже освоили кузнечное дело, изготавливали котлы для варки еды, боевое и охотничье оружие, принадлежности конской сбруи и прочие необходимые в хозяйстве вещи. Руду добывали и железо плавилки они сами, но вряд ли отказались бы от «готового продукта». Дошло до того, что людям Строганова пришлось оставить один из городков, самый близкий к границе.

«Ответка» не заставила себя ждать. Строганов получил от Грозного уникальную привилегию. В первый и последний раз в русской истории частное лицо, промышленник и купец, получило право возвести несколько собственных крепостей (пусть и невеликих размером) и поставить там гарнизоны из своих людей с ружьями и пушками (и ружья, и пушки изготавливали здесь же, на месте, из добываемого Строгановым железа). Болтали, что эта привилегия была получена за крупные взятки московским боярам. Может быть. А может быть, и нет — в Москве прекрасно понимали значение строгановских владений как русского укрепленного форпоста на сибирской границе.

Вот только вскоре надвинулась напасть почище мансийских князьков-грабителей. Ситуа-

ция полностью соответствовала строчке из доверенной советской песни: «На границе тучи ходят хмуро...» Проще говоря, следовало ожидать уже не набегов мелких отрядов, а вторжения на пограничные русские земли войск «хана тюменского и сибирского» Кучума...

Поначалу Кучум сидел смиренхонько, усердно притворяясь белым пушистым зайчиком, отправил даже в Москву посольство с тысячей соболей дани — послы передали, что готовы соблюдать договор, заключенный еще Едигером и Бекбулатом. А потом принял у себя в Искере царского посла Третьяка Чубукова и, глядя честнейшими глазами, пообещал исправно выплачивать дань и подписать «клятвенную грамоту», по которой становился вассалом Москвы.

Тем временем его тайные посланцы шныряли по русским пограничным землям, подбивая к восстанию черемисов, башкир и хантов, которым обещали всяческую поддержку от хана, чуть ли не Луну с неба. Те поверили и восстание подняли — правда, согласно старым сибирским обычаям оно свелось к тому, что «восставшие» разграбили торговые караваны на Каме и убили 87 русских купцов (число погибших известно точно из сохранившихся документов). Никакой поддержки от Кучума мятежники не получили,

а потому, когда русские стянули туда кое-какие вооруженные отряды, быстренько унялись и покаялись, обещая больше так не делать, — и вообще их, скудных умишком, совратил на злое дело прохвост Кучум, с него и спрос...

Забавно, но до сих пор находятся авторы, которые именуют и это «восстание», и грабительские налеты мансийских князьков на строгановские владения «национально-освободительной борьбой коренного населения против русских колонизаторов». Ну что поделать, русский интеллигент — это не профессия, а диагноз.

Годом позже, в 1573 году, обернулось еще хуже. Через Уральские горы перевалило уже настоящее войско во главе с племянником Кучума Маметкулом. Еще один яркий представитель национально-освободительного движения, ага... Вся «борьба с колонизаторами» свелась к тому, что Маметкулово воинство дочиста разграбило на Чусовой и русские селения, и селения, где жила часть манси, принявшая русское подданство. И с теми и с другими поступали одинаково: мужчин убивали, женщин и детей угоняли в плен. Вдобавок по дороге Маметкуловы борцы с колониализмом перехватили посольство того самого Третьяка Чубукова, на сей раз ехавшего не к Кучуму, а в Казахскую орду. Убили всех,

до последнего человека. Вообще-то Чингизиду Маметкулу следовало бы помнить, что Яса, свод законов Чингисхана, одним из самых тяжких и непрощаемых преступлений считает как раз убийство посла. Но Маметкул, не исключено, успокаивал свою совесть тем, что посольство ехало не к Кучуму, а к казахам..

Потом маметкуловцы спалили дочиста строгановское поселение в местах под названием Тахчеи. И попытались поднять на бунт обитавших в тех местах хантов. Однако те как-то уже сжились с русскими и бунтовать отказались, за что Маметкул велел убить их князя.

И собирался двинуться дальше. Однако Грозный стал в лихорадочном темпе собирать в Поволжье ополчение — дворянскую конницу. А к Строгановым прибыло не менее тысячи нанятых ими волжских казаков. Узнав об этом, Маметкул быстренько убрался обратно в Сибирь — он приходил грабить, а не воевать.

И у Строгановых, и в Москве стало ясно, что дело на этом не кончится, что налет Маметкула — только начало. Нужно было срочно что-то предпринимать..

Самого Аникея к тому времени уже не было в живых — на склоне лет он отошел от дел, постригся в монахи, в монастыре и умер. Его вла-

дения унаследовали трое Строгановых-младших: Семен, Максим и Никита. Некоторые современные авторы именуют «сыновьями» Аникея всех трех. Однако дореволюционные энциклопедические словари единодушны: сыном Аникея был только Семен, а Максим Яковлевич и Никита Григорьевич — племянники Семена.

В общем, нужно было что-то делать, как-то разбираться с Кучумом. Регулярных войск Грозный послать не мог, у него попросту не было нужных «резервов»: продолжалась долгая и кровопролитная Ливонская война, отнимавшая чуть ли не все силы и средства Московского царства.

Судя по всему, Строгановы-младшие не уступали хваткой и решимостью покойному Аникею. Выход они нашли незатейливый, но эффективный: наняли одну из тогдашних «частных военных компаний», то есть дружину волжских казаков под предводительством атамана Ермака Тимофеевича. Одной из самых загадочных фигур русской истории, заслуживающей подробного рассказа.

Глава 4

КОНКИСТАДОР В РУССКОМ СТИЛЕ

В первую очередь возникает вопрос: а как звали Ермака Тимофеевича?

Вопрос этот лишен и тени юмора. Дело в том, что имя знаменитого атамана дошло до нас в нескольких вариантах. Не только «Ермак», но и «Токмак». В 1780 году простой тобольский ямщик Иван Леонтьевич Черепанов на основании большей частью не дошедших до нас старых источников составил летопись, впоследствии без затей так и названную историками Черепановской. Вот такие были в Сибири ямщики — в свободное от основной работы время еще и летописи писали...

Так вот, Черепанов именует Ермака «Василий Тимофеевич Оленин». Позже выяснилось, что эти сведения он почерпнул из гораздо более раннего анонимного «Сказания Сибирской земли».

Полной ясности это, увы, не внесло. Отношение к «Сказанию» еще с конца XIX века остается сложным. Часть историков полагают его подлинным документом XVII века, часть — подделкой, и довольно неискusной. Мириться спорщики определенно не собираются. (К слову, существует еще парочка имен Ермака, гораздо менее известных.)

Вовсе уж фантастический разнобой царит в отношении второго вопроса: где родился Ермак? Вот тут уж вариантов... На Дону. В строгаиновских владениях на Чусовой. Под Ярославлем. В маленьком городке на Северной Двине. В Вологодской губернии. Где-то на Волге. И я еще не все перечислил...

Некоторые считают Ермака обрусевшим ордынцем. Единственным аргументом служит то, что имен Ермак и Токмак нет в православных святцах. Против этой версии есть весьма существенные возражения. Во-первых, в нескольких старинных летописях так прямо и указывается: Ермак — это прозвище. Имени такого нет, а вот само слово, представьте себе, русское, диалектное. В одних русских областях оно означает артельный котел для варки пищи, в других — мельничный жернов. «Токмак», несмотря на свое вроде бы стопроцентно тюркское звучание, —

опять-таки русское диалектное словечко. «Токмач» — это деревянная «баба» для трамбовки земли. «Токмачить» означает еще «бить, колотить кулаком». Так могли прозвать человека, часто и успешно участвовавшего в кулачных боях. Наконец, есть гипотеза, что Ермак — это сокращение от имени Ермолай, и, следовательно, родился Ермак как раз в день святого мученика Ермолая, то есть 26 июля по старому стилю.

Во-вторых, к вопросу об «обрусевшем ордынце». Те, кто выдвигает такую версию, основываясь лишь на том, что имени Ермак нет в святцах, определенно слабо знакомы с русской историей. Вопрос об именах — не Ермака, а вообще — достаточно интересный, чтобы рассмотреть его подробно.

Со стародавних времен, буквально начиная с крещения Руси, повелось, что человек носил два имени. Одно крестильное, то есть данное при крещении, второе — мирское, как раз и употреблявшееся в обиходе (и даже в самых что ни на есть важных официальных документах). Это отголосок еще языческих времен, когда считалось, что злой колдун, зная подлинное имя человека, получает над ним некую власть и может причинить нешуточный вред. А потому не раз случалось даже и в XIX веке, что крестильное

имя человек скрывал не только от окружающих, но и от родных и близких, и они его узнавали только после смерти родственника, когда полагалось читать поминальные молитвы с упоминанием «настоящего», крестильного имени... Исторический факт.

Мирские имена могли быть самыми причудливыми, о чем сохранилось множество свидетельств в старинных летописях. Жили-поживали люди, звавшиеся Шуба, Суббота, Дорога, Медведь, Кот, Комар. Новгородский рыбак, звавшийся Линь, судя по всему, обладал нешуточным чувством юмора: своим сыновьям он дал мирские имена Ёрш, Судак, Сом и Окунь. Один из воевод князя Владимира Крестителя всю жизнь преспокойно именовал себя Волчий Хвост, а его крестильного имени мы никогда уже не узнаем, в дошедших до нас летописях оно не упоминается (а может, и упоминается, но его не связывают с Волчьим Хвостом). Кстати, и имя самого князя Владимира — тоже мирское. В крещении он — Василий.

Попадают и более экзотические примеры. В новгородских летописях значится не только горожанин Чёрт, но и «поп Упырь Лихой» — а уж поп, безусловно, просто обязан был быть крещеным, однако и он, как видим, предпочитал

зваться мирским именем (Бог весть, почему выбрал именно такое). В документах XII и XVII веков отыщутся еще три священника с мирскими именами Лихач, Угрюм и Шумило.

В Разрядной книге, серьезнейшем государственном документе Московского царства (в нее на протяжении полутора сотен лет заносились имена командующих полками), воевода Иван Пронский упоминается еще и с мирским именем Турунтай.

Один из русских князей времен отца Ивана Грозного, великого князя Василия, носил мирское имя Стрига, что вовсе уж интересно. В славянской мифологии стрига (по-польски «стшига») — персонаж крайне жутковатый: кровососущий упырь, мертвец, вылезаящий по ночам из могилы. Остается только ломать голову: что должен был наворотить князь, чтобы его звали (и поминали в документах) Вурдалак Такой-то?

Так что Ермак может оказаться всего-навсего мирским именем, а крестильное — и в самом деле то ли Василий, то ли Ермолай. Но всё это, повторяю, так и останется версиями.

Непроницаемым туманом окутана и биография Ермака. Более-менее достоверными сведениями можно считать те, согласно которым Ер-

мак с молодых лет был волжским казаком. А вот все остальное — опять-таки разнобой версий и гипотез.

Некоторые считают, что Ермак в свое время разбойничал на Волге. Выглядит это довольно правдоподобно. Кто только в то время на Волге не разбойничал: разномастные ордынцы, казаки, русские жители приволжских сел, вовсе уж непонятно кто, неизвестно откуда взявшийся. (В свое время, кстати, на Волге немало попирагствовали и новгородцы, с одинаковым усердием выжигавшие и грабившие не только татарские, но и русские города. Зная это, не стоит удивляться, что московские великие князья крепенько недолюбливали Новгород, частенько ходили на него войной и в конце концов завоевали.)

Однако волжские разбои Ермака — опять-таки не более чем домыслы. Имеется, правда, вполне себе официальный документ — московская летопись, составленная по указанию отца царя Михаила Федоровича патриарха Филарета (до пострижения — Федора). Написана она через пятьдесят лет после гибели Ермака, и там открытым текстом повествуется, что Ермак во главе отряда волжских казаков ограбил на Волге бухарский торговый караван, а потом, вовсе уж

разойдась, — и персидское посольство, после чего был объявлен в тогдашний федеральный розыск, потому и был вынужден убраться подальше от властей, к Строгановым на Каму.

Убойное доказательство, казалось бы? Не спешите. Сохранились документы Посольского приказа (тогдашнего Министерства иностранных дел), из которых недвусмысленно явствует, что ограбление персидского посольства на Волге и в самом деле имело место, но случилось через три года после гибели Ермака в Сибири. За что суровый патриарх настолько невзлюбил давным-давно умершего атамана, что велел сфальсифицировать историю, остается только гадать...

Одним словом, никаких достоверных сведений об участии Ермака в волжских разбоях не существует. Вот касаясь его есаула, Ивана Кольцо, то есть помощника, пришедшего вместе с Ермаком на Каму, достоверные сведения как раз имеются. Означенный Ванюха, не размываясь на мелочи, собрал немаленькую ватагу и захватил на Волге направлявшегося в Москву ногайского посла, 300 человек его свиты, а также ехавших с посольством купцов. Отобрал у купцов все товары, у посольских — немало мехов, предназначавшихся в подарок Грозному, а потом решил всех перерезать. Сопровождавший по-

сольство русский дипломат Пелепелицын смиренно просил Ивана пощадить хотя бы посла и купцов. Ему оставалось лишь просить: у него самого не было ни единого стрельца, а у Ивана Кольцо — несколько сотен казаков. Иван увещеваниям внял и посла пощадил, а заодно и 30 человек из его свиты (главным образом богатых мурз, за которых рассчитывал получить выкуп), но всех остальных, в том числе и купцов, велел все же «зарезати», что и было немедленно исполнено привыкшими и не к такому казаками. Узнав об этаких новостях дипломатической жизни, Иван Грозный не на шутку расвирепел и велел ловить «вора Ваньку» по всему царству-государству — уж безусловно, не для того, чтобы попотчевать пряниками (в те времена вором называли не просто вора, звавшегося «тать», а государственного преступника). Зная, что с Грозным шутки плохи, Ваня вместе со сподвижниками бежал на Яик, а оттуда на Каму, где и стал правой рукой Ермака в сибирском походе. Такой вот сподвижник в исторических свершениях. Ну что ж, европейские конкистадоры и прочие первопроходцы точно так же были мало похожи на выпускников консерватории, и у многих за душой хватало всякого, почище, чем у нашего Ванюхи. Один характер-

ный пример: живший в начале XVIII века член британского Королевского научного общества, автор нескольких серьезных трудов по океанографии Дампьер по основной профессии был пиратом и немало порезвился в Карибском море и прилегающих водах. Испанцы старательно искали и ловили ученого-океанографа, чтобы повесить, но как-то обошлось...

Предполагают (но только «предполагают»!), что Ермак участвовал во взятии Казани и действиях русских войск в Астрахани. «Возможно» (опять-таки не более чем «возможно»), Ермак участвовал в знаменитом сражении у деревни Молодь, в 45 верстах от Москвы. Летом 1572 года русское войско, в составе которого были донские и волжские казаки, в открытом поле вдребезги разгромило конницу Крымской орды, Большой и Малой ногайских орд. Доказательств — никаких. Только предположение, что Ермак и там мог быть...

Зато участие Ермака в Ливонской войне задокументировано предельно точно. Участвовал в ней атаман во второй ее половине, когда старинные рыцарские ордена окончательно рухнули, быстренько перекрасившись в светские княжества, наступил полный хаос, и все дрались со всеми: ливонские немцы, русские, поляки,

шведы, бунтующие против немцев предки нынешних латышей и эстонцев. Словом, очень похоже на нынешнюю Украину — разве что порядка в Ливонии было все же побольше...

Ермак воевал вовсе не в Прибалтике, где Ливония и располагалась, если кто запомнит. В рамках, так сказать, Ливонской войны польский король Стефан Баторий выступил походом на Псков, в то время сильную пограничную крепость, взятие которой открыло бы полякам кратчайший путь в Ливонию.

Русские отряды воеводы Хворостинина двинулись к занятой поляками Могилевской крепости, чтобы ударом во фланг задержать продвижение королевской армии к Пскову. Происходившие там события довольно интересны, но к главной теме этой книги не относятся, поэтому говорить о них мы не будем. Речь о другом.

В польских архивах сохранилась переписка меж польскими военачальниками и Баторием. В том числе и обстоятельный рапорт военного коменданта Могилева пана Стравинского. Комендант подробно описывает сложившуюся обстановку, перечисляет русских военачальников, действующих близ Могилева. Среди них значится «Ермак Тимофеевич, атаман казацкий». Речь, несомненно, идет о нашем герое — совпа-

дение по всем трем позициям: имя, отчество, должность. Просто-таки нереально предположить, чтобы оказалось два казацких атамана по имени-отчеству Ермак Тимофеевич. Теория вероятностей не допускает.

Переписка эта была переведена на русский и опубликована в одном из научных журналов еще в 1867 году. Строго говоря, рапорт пана Стравинского — единственное достоверное письменное свидетельство об одном из эпизодов жизни Ермака в досибирский период. В остальном же... Как выразилась героиня одного знаменитого в свое время детективного романа:

— Итак: Господин Никто. Национальность — без национальности.

Ну, предположим, определение «Господин Никто» к атаману никак не может быть отнесено. Рапорт Стравинского недвусмысленно свидетельствует: да, Ермак, да, Тимофеевич. А вот в национальности, если стремиться к въедливой точности, нельзя быть уверенным точно, опять-таки из-за отсутствия точных данных. В конце концов, «Тимофеевичем» мог быть и сын крещеного ордынца — а их на Руси жило и служило немало. А уж среди казаков кого только не было... Разве что негров — хотя парочка, учитывая реалии того времени, могла и затесаться. Ну,

Александр БУШКОВ

скажем, сбежав с турецкой галеры. Людей в те времена носило по самым причудливым маршрутам. Просто пример — судьба одного англичанина, впоследствии ставшего видной фигурой в освоении англичанами американских колоний. Из-за лютого безденежья отправился «на континент» воевать за любого, кто хорошо заплатит. В конце концов оказался в немецком отряде, действовавшем против турок. Попал к туркам в плен, из плена сбежал, и, возвращаясь в Европу кружным сухопутьем, какое-то время прожил среди запорожских казаков. Кстати, в XVIII веке русского купца Василия Баранщикова судьба швыряла по белу свету еще замысловатее, но, к великому сожалению, он не имеет отношения к нашей теме, а жаль — история преинтереснейшая...

Вернемся к Ермаку. Итак, он со своими есаулами и казаками поступил на службу к Строгановым...

Глава 5

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПОХОДОВ

В «Семенов день», 1 сентября 1582 года, отряд Ермака выступил в поход. По одним сведениям, у него было 800 казаков, по другим — около 600 (большинство историков считают правильным второе). Плыли на стругах — небольших речных суденышках, ходивших и под парусом, и на веслах (такой струг во всех деталях изображен на знаменитой картине Сурикова «Степан Разин»). Каждый струг вмещал человек 30 и был вооружен пушками — небольшими, длиной примерно в полметра. В Европе их называли фальконетами, на Руси соколами (русские, не мудрствуя, попросту перевели европейское название; «фалькон» — это и есть «сокол», соответственно «фальконет» означает что-то вроде «соколенка»). Пушечки были невеликие, но на